

Г.И. Данилина

Понятие Слова в работах А.В.Михайлова

Предметом обсуждения выступает концепция «науки о литературе» А.В. Михайлова. В статье выявляются и рассматриваются ключевые теоретико-методологические понятия этой концепции в их системе.

Ключевые слова: предпосылки, основания, предмет, метод исторической поэтики.

В исследованиях А. В. Михайлова, связанных с теоретико-методологическими проблемами исторической поэтики, принципиальное значение получают определенные понятия, к которым он неизменно и настойчиво обращался. Среди них особая роль принадлежит Слову: оно выступает и объединяющим, и изначальным по отношению к другим понятиям, на которые опирается его мысль.

То, как Михайлов понимает Слово, отчетливо высказано в работе «Диалектика литературной эпохи» (1983): во-первых, в Слово входят и литература и наука, «слово поэзии» и «слово теории». Во-вторых, Слово как целое «направлено на историю». Что стоит за этими характеристиками? В чем заключается содержательное значение этого понятия в концепции Михайлова?

Л.И. Сазонова, размышляя о научном наследии Михайлова, отмечает: «Слово¹ – главный объект и герой его герменевтических работ. Внимание к слову, нацеленность на слово, на постижение глубинных закономерностей культуры через слово образует внутренний сюжет напряженнейшего научного исследования, придает связность и концептуальное единство трудам ученого» и порождает «целое смысла»². Очевидно, понятие Слова у Михайлова может быть раскрыто по существу, если иметь в виду центральную проблему, которой предопределяется его концепция «науки о литературе» в целом – это проблема историчности литературного произведения. Обозначим, в чем Михайлов видел ее суть.

Г.И. Данилина

В конце 1960-х годов, продумывая подход к изучению историко-литературных явлений, он писал: «В игру входит такой компонент, о котором часто говорят, но никак не учитывают – это историчность. Сущность чего бы то ни было не положена заранее – раз и навсегда», «но сущность только осуществляется: она не замкнется, пока не замкнулась сама история»³. Здесь уже поставлен вопрос, который получает четко оформленный смысл позднее, в 1980-е годы. «Текст остается прежним, а его понимание, ощущение, переживание и истолкование коренным образом меняются, – подчеркивал Михайлов, – и с этим до неузнаваемости меняется его духовный смысл»⁴. В начале 1990-х, открывая в Московской консерватории курс «Герменевтические основания истории культуры», Михайлов говорит об «историчности любого понятия», с которым имеет дело современный исследователь⁵, и прежде всего понятия «произведения», о чем он действительно размышлял.

Итак, историчность произведения означает историческую изменчивость его «смысла»: художественное произведение прошлого не равно, не тождественно тому «тексту», который мы читаем и исследуем сегодня. Соответственно, «смысл» текста есть нечто иное в сравнении с тем, что некогда задумывал писатель: он создан не автором ушедшей эпохи, а традицией истолкования и к авторскому замыслу имеет весьма далекое, в высшей степени опосредованное отношение. Сегодня «сама» история литературы, – писал Михайлов, – оказывается «сомнительной в своей прямой доступности: историк литературы может делать вид, что он занимается “самой” историей литературы, однако занят он другим – изучением той недостаточно просветленной и ясной для него традиции, которая передала ему не знание о “самой” истории литературы, но традицию знания о ней»⁶. Тем самым существенно колеблется сложившееся представление и о предмете науки, и о точности ее методов. Ведь если мы изучаем не «само» произведение, а его интерпретационный образ, то можно ли считать релевантными получаемые исследователем результаты?

Вопрос об историчности литературного произведения, меняющего свой смысл с ходом истории, объединяет исследования А. В. Михайлова, посвященные самым разным авторам и текстам, и внутренне обосновывает содержание его концепции науки. Исходным для нее и становится понятие Слова, в котором обозначается подход Михайлова к решению этого вопроса. Чтобы раскрыть теоретико-методологическое содержание по-

нения Слова и его соотношение с другими концептуальными понятиями Михайлова, обратимся к истории проблемы.

Э. Гуссерль в свое время раскрыл историчность как «горизонт сознания» субъекта, ограничивающий его возможности познания исключительно современностью, «точкой Теперь». Отсюда с непереложностью следовало, что между нами и прошлым лежит непроходимая граница, и историчность «я» кладет неснимаемые пределы его познавательным возможностям: прошлое навсегда закрыто от нас и в принципе не может быть познано.

В книге Г.-Г. Гадамера «Истина и метод» (1959) вопрос об историчности был экстраполирован на опыт гуманитарных наук в целом и получил тем самым фундаментальный теоретико-методологический смысл. «Не должна ли историческая обусловленность сознания, – обозначает проблему Гадамер, – стать непреодолимой преградой, не позволяющей ему завершить себя в историческом знании?». Возможно ли тут «знание, которое достигает объективности?»⁷. Как видим, историчность сознания неизбежно ставит под вопрос саму «научность» гуманитарных исследований: она заставляет усомниться в том, что «истина», найденная современными философами, историками, литературоведами, имеет научно значимый характер.

Ведь историчность научного сознания неминуемо требует признать, что явление прошлого в его собственном смысловом содержании недостижимо для современного исследователя, чем и ставится под вопрос самая наука – в ситуации, когда любые ее результаты заведомо будут «субъективными». Историчность исследователя (*Geschichtlichkeit*) и его цель – историческая неповторимость явления прошлого (*Historizität*) – как бы вступают между собой в неразрешимый конфликт.

Исследование метода гуманитарных наук, осуществленное в книге Гадамера, показало, что историческая «истина» в них, безусловно, открывается. Предмет гуманитарных наук – это Логос как непрерывность исторического предания, имеющего вербальную природу. Верифицирующим критерием науки, «гарантом точности» выступает сам текст, поскольку он имеет автономную смысловую структуру, на этом онтологическом основании становящуюся доступной для понимания. Современный исследователь неизбежно поймет произведение прошлого только на современный лад, но «правильность» его интерпретаций потенциально гарантируется самим текстом как смысловой целостностью («презумпция совершенства», по Гадамеру); и потому не произвольна, а имеет научный статус.

Г.И. Данилина

Вопрос об историчности сложил свою глубокую традицию – на немецкой философской почве, и продумывать эту проблему вне опыта данной традиции, конечно, не представляется возможным. А. В. Михайлов опирается на нее в полной мере,⁸ это один из источников его собственной мысли. Крайне существенный, но не единственный: в «немецком» решении проблемы историчности заложен ключевой методологический момент, с которым Михайлов не мог согласиться. Это принципиальная недоступность для современного исследователя изначального «смысла» произведения, когда-то задуманного его автором, что ориентирует на исключительно «современное» его прочтение и означает выведение соответствующей задачи из сферы целеполагания науки. А. В. Михайлов видит в этом утрату «исторического измерения»⁹ и, со своей стороны, убежден в обратном, в необходимости искать именно «заложенный автором» смысл. Здесь он исходит из «русского» опыта науки, в которой на протяжении века, со времен А.Н. Веселовского, складывалась и развивалась своя исследовательская традиция, основанная как раз на раскрытии «изначального» смысла литературного произведения.

В России вопрос о его историчности и ставился, и вполне успешно решался, в первую очередь благодаря М.М. Бахтину, обосновавшему в работах 1930-х годов анализ историчности литературной эпохи, художественного видения писателя и собственно произведения на уровне «изображенного мира». В 1980-е годы, когда к предметному изучению проблемы обращается А.В. Михайлов, само понятие историчности терминологически не закреплено, но в исторической поэтике продумываются и реализуются репрезентативные подходы в решении проблемы историчности произведения, предполагающие взгляд не только из «современного» горизонта науки, но и со стороны изучаемой эпохи, из ее, а не «наших» представлений о жанровом мышлении, содержательности формы, эстетическом сознании.¹⁰ Это творческий контекст, в котором работает Михайлов и где его представления о цели и задачах науки, изучающей историю литературы, и о том, как раскрывать историчность произведения, без сомнения, находят себе вескую опору. При этом направленность его собственной мысли все же несколько иная.

Литературоведение «прилагает движущую меру к движущемуся содержанию»¹¹, подчеркивал Михайлов. Он полагает предельно важным соотносить историчность произведения с историчностью его исследователя, то есть науки, научного со-

знания. Лишь при этом условии, как показывают его работы, Михайлов считал возможным решать проблему историчности произведения: всю суть дела он видел в «мере», в методе исследования, то есть в том, чтобы не только произведение, но прежде всего само методологическое мышление науки поставить «под знак истории». На деле это означает, что требовалось продумать такую «меру» смысла произведения, которая отвечала бы исторической изменчивости этого «смысла», то есть и сама была бы «движущейся».

Проблема, которая здесь вырастает, такова: «смысл» произведения прошлого рождался «в горизонте настоящего» его эпохи, а современная теория литературы способна смотреть на это произведение лишь из своего собственного горизонта. Следовательно, метод ее работы основан на том, что к текстам прошедших эпох прилагаются теоретико-познавательные модели и аналитические схемы, которые созданы сегодня и потому, разумеется, не могут иметь содержательного отношения к прошлому: ведь в эпоху произведения люди мыслили иначе, чем мы сегодня, по другим «моделям» и «схемам». Современный исследователь оказывается в «ловушке» своих теоретико-литературных концепций: ориентация на них, как писал С. С. Аверинцев, «предполагает в качестве исходной рабочей установки фикцию, а именно допущение, будто мыслители прошедшего вместо работы над своими проблемами заняты исключительно подготовкой работы над нашими проблемами, как мы их теперь понимаем»¹².

Но при этом современная теория познания – наш единственный способ понимать исторические «смыслы», поскольку «перешагнуть» за границы мыслительного горизонта своего времени невозможно. А это означает, что современные научно-теоретические подходы к литературному произведению прошлого неизбежно будут навязывать произведению чуждую ему логику «смысла», что гарантирует неверность понимания как единственный результат всех исследовательских усилий. Михайлов называет такой подход «априорным», используя отсылающее к философии Канта слово, но наполняя его новым содержанием. «Априорность» в его смысле обозначает уже не присутствие до-опытно-эмпирического элемента в любой теории, но до-историчность самой теории: ее принципиальную абстрагированность от опыта историчности.

Как видим, налицо «раскол» (слово А.В. Михайлова) между теорией литературы и ее историей. Проблема историчности,

Г.И. Данилина

если прибегнуть к обороту немецких ученых, состоит в «историчности историка», и решить эту проблему означает, очевидно, следующее – попытаться найти такой метод изучения произведения прошлого, который, будучи современным, не был бы при этом априорным, то есть обеспечивал бы доступ к пониманию произведения из его, а не «нашего», исторического горизонта. Тем самым проблема историчности – это проблема метода; и отсюда уже понятно, что решать ее можно лишь при определенном условии: если гипотетически будет найдена возможность освободить научное сознание от априорности его подходов. Потому «раскол» между теорией и историей литературы должен быть преодолен; пока наука видит себя на уровне двух «отдельных» научных дисциплин, она несостоятельна при сложившемся положении дел, тогда как ей требуется, напротив, осознать себя единой «наукой о литературе» – таково принципиальное условие на пути к «истине» ее метода как искомому решению проблемы.

Отсюда понятие Слова в работах А.В. Михайлова и получает свое теоретико-методологическое обоснование. В нем имплицитно осуществляется сама постановка вопроса о методе исследования произведения в свете историчности его «смысла». Слово мыслится Михайловым как неразрывное, онтологическое единство художественного и научного слова. Соответственно, из того, как понимается им это единство и чем оно держится, будет устанавливаться направление, в котором может быть преодолен «раскол», а значит, и найдена возможность «неаприорного» подхода к литературному произведению. Уточним, каким именно образом понятие Слова намечает эту возможность.

Прежде всего отметим, что понятие Слова, конечно, не собственно «михайловское»; оно глубоко разработано в русской традиции, у А.Н. Веселовского, Г.Г. Шпета, М.М. Бахтина¹³, к опыту которых Михайлов основательно обращается. У Бахтина, – отмечал он, – сложилось «широкое историко-культурное понимание слова», «подчеркнутое, притягивающее к себе все внимание понятие о слове... о слове социально функционирующем и отмеченном при этом значимостью и весомостью самостоятельной культурной силы (параметра социальной жизни), – понятие, которое сопряжено с почвой (как это названо у Веселовского) и которое выступает как культурное выражение, преломление “жизни”, а в то же время и как преломление языка, а именно как язык, из разлитых в жизни энергий которого выковываются культурно значимые и фиксированные смыслы»¹⁴. Это представ-

ление о Слове, как считает Михайлов, было предугадано уже в ранних замыслах А. Н. Веселовского, где «историко-культурные проблемы на почве слова» и поэтические средства и приемы связывались между собой, и была обоснована «проблематика современной истории культуры под знаком слова»¹⁵.

Если Логос как бы замкнут на себе самом, то Слово, напротив, укоренено в жизненной реальности. Этой традицией подготовлено присущее Михайлову видение Слова: Бахтин раскрывал «историческую конкретность живого слова, его причастность историческому становлению»;¹⁶ для Михайлова и слово поэта, и слово мыслителя «направлено на историю»¹⁷. «Теория имеет дело, — пишет он, — с самой историей, для которой ее осмысление поэтическим словом — не дополнение к научным и философским осмыслениям, а ничем не заменимое существенное осмысление, направленное при этом на непосредственную полноту жизни»¹⁸. «Словесность в целом, — по его убеждению, — отнюдь не нечто заведомо изолированное от жизни, но нечто в жизни коренящееся — преобразованная жизнь»¹⁹. Поэтому «теория — продолжение творчества другими средствами... про-явление слова»²⁰. «Осмысление истории» есть тем самым объединяющее науку и литературу начало, откуда намечается следующий шаг А.В. Михайлова в продумывании проблемы. Он необходимо направлен в сторону «свободы» от схематизирующих прошлое научных подходов с их априорностью, и направлен тем самым на поиск некоей другой по отношению к современной теории литературы смысловой инстанции — такой «инстанции истины», которая потенциально обеспечивала бы исторически достоверное понимание произведения и верифицируемость результатов работы его современного исследователя.

Непреложность для современной науки ее «горизонта», выйти из которого, как было обосновано еще Гуссерлем, не удастся ни при каких условиях, для Михайлова не подлежит сомнению, эта мысль сопровождает все его научное творчество. С.Г. Бочаров, назвав свою работу о Михайлове «Огненный меч на границах культур», раскрывает основополагающее значение этой мысли. В статье Михайлова «Судьба классического наследия на рубеже XVIII–XIX веков», — пишет он, — дана цитата из Герреса: “Не только у входа в Рай поставлен пламенеющий херувим, но и на всякой границе, где одна эпоха переходит в другую, грозит нам огненный меч“. На всякой вообще границе — огненный меч»²¹. Михайлов всегда имел в виду, что искусство прошлого не дано нам «непосредственно», что между произведениями прошлого

Г.И. Данилина

и нами находится «нас отсекающий пламенный меч»²², который как бы перегораживает вход в прошлое, закрывает к нему доступ. И все же само осознание неотменимости этой ситуации предположительно делает современную мысль несколько более «свободной», ведь можно попытаться представить и продумать другую, а не только «современную», теоретическую опору для истинности историко-литературных исследований.

Слово «направлено на историю», поэтому из «истории» и должно прийти в нашу мысль «иное» знание. Если обратиться к «иному» и опереться тем самым не только на «свое», но и «на историю», то гипотетически появляется еще одно измерение историчного «смысла» произведения, и современная мысль уже высвобождается из «ловушки» своей априорности – насколько это для нее вообще возможно – тем, что ставит себя «под знак истории».

Наука есть мышление истории, – подчеркивал Михайлов. «В самом конечном счете, – писал он, – наука о литературе есть такое мышление истории, где слово «истории» – и родительный объективный, и родительный субъективный: история мыслится, и она же мыслит себя в науке, в ее рамках, в ее пределах»²³. Современная наука, «мы», «мыслим историю», но и история «мыслит» нас. В этом понятии, таким образом, схватываются оба измерения, необходимых современному методологическому взгляду. Но чем может быть задано их единство? Как достичь того, чтобы объясняющая произведение «идея» не налагалась на него как бы извне, не шла к нему из чужого исторического мира?

Михайлов в опоре на Г. Шпета дает выразительную формулировку: «история – это окружающее». «Окружающая» произведение действительность и есть для него история; как действительность, «окружающая» нас, есть история для нас в том отношении, которое создается историчностью сознания: мы обусловлены в своих возможностях понимания именно тем, что нас «окружает» и создает тем самым наш образ мысли и его непреложный исторический «горизонт». Таким образом, «меру» смысла произведения следует искать в истории, «окружающей» его, на этом следует строить исследование прошлого. Для Михайлова, основывающегося на опыте исторической поэтики, «смысл» произведения не «автономен» по отношению к историческому миру своего времени (Гадамер), а напротив, по существу открыт в этот мир, «субстанциально» включен в него. Соответственно текст как таковой не может выступать «гарантом»

понимания; результативность научного исследования ставится в зависимость от того, насколько точно «смысл» произведения будет соотнесен с «окружающей» это произведение историей. Поэтому представление об «истории как окружающем» Михайлов называет «основанием исторической поэтики».

Каков его содержательный состав, на что именно надлежит полагаться как на «основание» научного подхода? Направление ответа предсказывается словом «окружающее»: это историческая реальность, действительность, «жизнь» эпохи во всем богатстве ее эмпирической полноты – социальные явления, бытовая культура, весь строй бытия, искусство и наука и тому подобные вещи; вообще все, что способен сегодня заметить взгляд исследователя, должно войти в горизонт его мысли. Поэтому Михайлов говорит о «науке о культуре» как обозначении более адекватном, нежели «литературоведение». Причем он подчеркивает: не «отражение», а «осмысление» истории, «жизни» осуществляется в произведении. Реалии эпохи не «отражаются», а «опосредуются», и способ их «опосредования» у каждой эпохи – свой собственный, поэтому им порождается особый образ мысли и складывается адекватный ему «язык культуры». «Силы опосредования и суть языки культуры, преломляющие в литературе «саму действительность»²⁴, – отмечает С.Г. Бочаров. Ключевой принцип «языка культуры» – «направленное на историю» именно своей эпохи и потому исторически неповторимое, присущее только этой эпохе и никакой другой, «общее» для нее творческое Слово.

«Окружающая» произведение «жизнь» с ее исторической неповторимостью осмысляется в философии, искусстве, науке своего времени, и Слово эпохи – выражение этого непрерывно идущего «осмысления истории». Поэтому «ключ» к смыслу произведения надо искать в его соотнесении не с «нашим» видением литературы того времени, а с этим общим для его эпохи Словом, и отсюда черпать «меру»: «критерий точности» современного научного исследования находится именно здесь. Это и будет означать, что «основанием» для историко-литературного исследования стало «субстанциальное» представление об «истории как окружающем».

На этом «основании» науки о литературе оформляется представление А.В. Михайлова о «движущемся содержании» ее предмета: ее предмет – не «сами» произведения, а изменяющееся в истории Слово, объединяющее «слово поэта и слово мыслителя», литературу и ее теорию. Поэтому предмет имеет

Г.И. Данилина

многоуровневый состав, он необходимо включает в себя не только историю литературы, но и историю ее изучения, а тем самым – и современную историческую поэтику²⁵. Закономерно возникает вопрос, на основе каких методологических принципов возможно изучать подобный предмет. Пока это не решено, «движущееся содержание» остается аморфным, ни к чему не обязывающим обозначением по сути неизвестного «объекта». Известно, что история литературы как научная дисциплина традиционно опирается на принцип историзма; но существенное изменение в понимании предмета науки не может не вести к новой постановке вопроса и об историзме как ее методологическом принципе.

Суть проблемы здесь состоит в том, что историко-литературный процесс мы обычно представляем как смену литературных направлений, каждому из которых присущ ряд характерных особенностей. Как раз постоянство, устойчивость этих признаков или черт, типологически общих для произведений определенного времени, позволяет отличать их от других произведений, создававшихся в другое время. Но остается непонятным, чем обеспечивается целостность литературного процесса: как внутренне связаны между собой разные его стадии и «почему», по какому «закону» этого процесса одно направление сменяется другим.

Как видим, в принципе историзма, методологически продуктивном для изучения «ставшего» содержания литературной истории, того, что немецкие германисты называют «Historizität», не замечается и не учитывается «становящееся», собственно историчность литературы, ее «Geschichtlichkeit». Очевидно, что это центральная методологическая проблема в изучении «движущегося содержания» истории, и она, как констатировал немецкий историк Р. Фирхауз, не может быть решена до тех пор, пока у нас нет «теории исторических изменений»²⁶. Подчеркнем, что «нет» ее неслучайно: любая «теория исторических изменений», созданная сегодня, будет теорией современной, а значит, снова «априорной» и потому неспособной «схватить» логику изменений, осуществлявшихся, без сомнения, «под знаком» отнюдь не «современной» истории.

Таким образом, «теория исторических изменений» призвана разработать такой методологический принцип, который позволял бы при изучении литературного процесса постигать его движение не из «нашей», а из исторической логики, то есть по имманентному закону истории. В работах Михайлова этой задаче отвечают

диалектические принципы изучения Слова. Он опирается на диалектику как метод, призванный раскрывать имманентное развитие процессуальных явлений. А.В. Михайлов продумывает возможности диалектического метода в опоре на Гегеля, на Бахтина, но особенно близко ему мышление А.Ф. Лосева.²⁷ «Диалектика говорит не о вещах, не о фактах, но смысле вещей и фактов», – писал Лосев. – Диалектика говорит о «динамике» «самопорождения смысла»²⁸. Он считал недопустимым «отрыв имен от вещей» и показывал, как «самопорождение» смысла осуществляется из «интенсивного социального бытия»²⁹, из жизненного единства «вещи» и ее «идеи».

«Диалектический» взгляд на историю Слова делает возможным ее постижение и интерпретацию не из внешней и априорной, а из внутренней, имманентной логики историко-литературного процесса. На этом основании «движущееся содержание» как предмет науки о литературе уже обретает необходимую конкретность: в концепции А.В. Михайлова это «историческая метаморфоза слова». «Слово “литература”, – писал он, – понимает нечто резко и быстро превращающееся. Понятие “литература” понимает органически меняющееся в истории (растущее, преобразующееся, превращающееся) слово».³⁰ В диалектическом понятии «метаморфозы», «превращения», передается историчный характер связи между этапами в истории Слова как смысловым целом: каждый последующий не отменяет и не сменяет предыдущий, а «опосредует» его, тем самым «кардинально», как говорил Михайлов, изменяя его смысл и одновременно сохраняя его в «превращенной», внутренне преобразованной форме. Это непрерывно идущее изменение; «устойчивые» стадии Слова перерастают друг в друга, по существу меняя при этом само Слово, поэтому в центр проблематики историко-литературного процесса выдвигается изучение «переходных эпох» как таких периодов в исторической судьбе Слова, в которых предельно обостряется внутреннее напряжение истории и в противоречивом взаимодействии со «старым» рождается «новое» Слово.

Отсюда проясняется, что Слово каждой эпохи уже не может быть «описано» через набор устойчивых признаков соответствующего литературного направления. В концепции Михайлова Слово каждой исторической эпохи определяется через содержательную связь трех «констант» – «поэт-слово-действительность»³¹, и связь эта имеет не статичный, а динамический характер: в зависимости от того, как «направлено» Слово на «историю-жизнь», создается тот или иной исторический тип

Г.И. Данилина

Слова. «Константам» присуща определенного рода устойчивость, это смыслообразующие факторы историко-литературного процесса как целого. В ходе истории меняются не сами константы, а «направленность на жизнь», присущая Слову определенной эпохи, а тем самым меняется сам принцип смысловой структуры Слова, создаваемый взаимодействием между поэтом, «старым» словом, которое, как бы всегда находясь в пути к «новому», неизбежно разрушается и обновляется, и действительностью. Поэтому преемственность литературной традиции сохраняется, и в то же время, под воздействием изменчивой «жизни», Слово становится другим.

Таким образом, если включить в принцип историзма, в его методологический горизонт, «закон метаморфозы» Слова, этот принцип становится «движущейся мерой» науки о литературе. Тогда он будет способен задавать современной исследовательской мысли требующуюся ей сегодня «двойную» направленность взгляда – смотреть как «от прошлого», от «самой» истории, так и «от современности»; произведение нужно увидеть в «перекрестном освещении». Поэтому Михайлов считает «опосредование теории и истории литературы» «задачей» исторической поэтики.

Найдем ли мы с помощью «движущейся меры» тот «смысл» произведения, который некогда был задуман его автором? Так или иначе, историчность научного сознания исключает эту возможность. Ведь единственное, что мы можем делать сегодня, когда обращаемся к прошлому, это «обратное проецирование»³², автоматический, бессознательный «перенос» наших представлений на далекую и ничего о них, этих представлениях, не знающую культурную эпоху. Но зато и возможно, и, как полагал Михайлов, необходимо, делать «обратный перевод»³³ литературного произведения: постигать его «смысл», переводя «обратно», на язык его собственной культуры, то, что пришло к нам через «волны опосредований», разделяющие, но и соединяющие нас с ушедшими формами Слова.

Примечания

¹ Все курсивные выделения в тексте принадлежат цитируемым авторам.

² Сазонова Л.И. Космос смысла. Александр Михайлов: жизнь в слове // Адорно Т.В. Избранное: социология музыки / Перевод А.В. Михайлова. М., СПб., 1998. С. 429.

- ³ Михайлов А.В. Вводная часть доклада «Генрих фон Клейст и проблемы романтизма» // Михайлов А.В. Обратный перевод / Сост. Д.Р. Петров, С.Ю. Хурумов. М., 2000. С. 34.
- ⁴ Михайлов А.В. Идеал античности и изменчивость культуры. Рубеж XVIII–XIX веков // Михайлов А.В. Языки культуры / Сост. Н.С. Павлова, С.Ю. Хурумов. М., 1997. С. 523.
- ⁵ Цит. по: Чигарева Е.И. Музыка в научной мысли А.В.Михайлова // Михайлов А.В. Музыка в истории культуры. М., 1998. С. 246.
- ⁶ Михайлов А.В. Несколько тезисов о теории литературы // Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика / Гл. ред. С.Я. Левит; сост. С.Ю. Хурумов. СПб., 2006. С. 486.
- ⁷ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988. С. 280 – 281.
- ⁸ Известно, что уже само вхождение немецкой философии понимания в русское культурное сознание вплотную связано с именем А.В. Михайлова: переводами М. Хайдеггера он занимался с юности, с 1960-х годов, в последующем переводил В. Дильтея, Э. Гуссерля, Г.-Г. Гадамера. См: Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. А.В. Михайловым сделан перевод работ «Философия и герменевтика», «О круге понимания», «Неспособность к разговору», «Риторика и герменевтика», «Введение к работе М. Хайдеггера “Исток художественного творения”»; Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Сост., переводы, вступ. ст., прим. А.В. Михайлова. М., 1993; Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию / Пер. А.В.Михайлова. М., 1999. Работа В. Дильтея «Воображение поэта. Элементы поэтики» в переводе Михайлова пока не опубликована; она была подготовлена к печати в 1991 г.: Хурумов С.Ю. От составителя // Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. С. 521.
- ⁹ Михайлов А.В. Историческая поэтика в контексте западного литературоведения // Михайлов А.В. Обратный перевод. С. 517.
- ¹⁰ Назовем важнейшие в свете проблемы историчности у Михайлова: Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977; Целостность литературного произведения как проблема исторической поэтики: Сб. научных трудов. Кемерово, 1986; Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986.
- ¹¹ Михайлов А.В. Диалектика литературной эпохи // Михайлов А.В. Языки культуры. С. 18.
- ¹² Аверинцев С.С. Указ. соч. С.31.
- ¹³ «Онтологичность» «слова» в контексте русской мыслительной традиции продумывается в современных теоретических исследованиях: Гей Н.К. Категории художественности и метахудожественности в литературе: Тезисы // Литературоведение как проблема. М., 2001. С. 280–301; Касаткина Т.А. Слово, творящее реальность, и категория художественности // Там же. С. 302–346; Гей Н.К. Метахудожествен-

Г.И. Данилина

ность литературы // *Теория литературы*. Том 1. Литература. М: ИМЛИ РАН, 2005. С. 96–141.

Недавно на Западе появилась книга, посвященная изучению «слова» как специфически «русского» философского (философия языка) понятия: *Seifrid Th. The Word made Self: Russian Writings on Language, 1860 – 1930*. Cornell University Press, 2006. Автор, специализирующийся в области русской литературы и литературной теории, обращается к работам А.А. Потебни, В. Иванова, В. Шкловского, В. Хлебникова, О. Мандельштама, В. Эрна, П.А. Флоренского, С. Булгакова, Г.Г. Шпета, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина. Как показано рецензентом, при рассмотрении в историко-философском и теоретико-методологическом плане книга Т. Зайфрида по меньшей мере не бесспорна, но само выдвижение «слова» в заявленном ключе видится содержательно оправданным. См: *Karachentseva T. Seifrid, Thomas. The Word made Self: Russian Writings on Language, 1860-1930 (2006) // PARTIAL ANSWERS: Journal of Literature and the History of Ideas*. The Johns Hopkins University Press. 2007. № 6/2 (в печати).

¹⁴ Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. М., 1989. С. 53.

¹⁵ Там же. С. 16.

¹⁶ Бахтин М.М. Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 144.

¹⁷ Михайлов А.В. Диалектика литературной эпохи. С. 17 (о «слове поэзии»), с. 20 (о «слове теории»).

¹⁸ Там же. С. 18.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 22.

²¹ Бочаров С.Г. Огненный меч на границах культур // Михайлов А.В. Обратный перевод. С. 9.

²² Там же. С. 11.

²³ Михайлов А.В. Несколько тезисов о теории литературы // Литературоведение как проблема. С. 230.

²⁴ Бочаров С.Г. Указ. соч. С. 11.

²⁵ Михайлов А.В. Проблемы исторической поэтики в истории немецкой культуры. С. 21.

²⁶ *Vierhaus R. Die Krise des historischen Bewusstseins und die Funktionskrise in den geschichtlichen Wissenschaften*. In: *Historizität in Sprach- und Literaturwissenschaft*. München, 1974. S. 27.

²⁷ См.: Михайлов А.В. Терминологические исследования А.Ф. Лосева и историзация нашего знания // Михайлов А.В. Обратный перевод. С. 485–497; Михайлов А.В. О Боге в речи философа // Там же. С. 498–508.

²⁸ Лосев А.Ф. Хаос и структура / Сост. и общая ред. А.А. Тахо-Годи и В.П. Троицкого. М., 1997. С. 796, 799.

²⁹ Лосев А.Ф. Диалектика имени // Контекст-1992. М., 1992. С. 135.

³⁰ Михайлов А.В. Диалектика литературной эпохи. С. 20.

Понятие слова в работах А.В.Михайлова

- ³¹ См.: *Михайлов А.В.* Методы и стили литературы // Теория литературы. Том 1. Литература. С.142–182.
- ³² *Михайлов А.В.* Несколько тезисов о теории литературы // Михайлов А.В. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. С. 496.
- ³³ См.: *Михайлов А.В.* Надо учиться обратному переводу // Михайлов А.В. Обратный перевод. С. 14–16.